

Пиманов Алексей
Телеведущий прозв.
"Человек и Закон".

14.04.04

Русский курс
с. 9

№ 78 (261)
14 апреля 2004 года, среда

9

Телегид

Мы не дешевые и врать не будем!

Елена КУЗНЕЦОВА

Программу «Человек и закон» зритель помнит с советских времен — в эфире она уже тридцать лет. Впрочем, за последние годы передача сильно изменилась — стала динамичной, подчас скандальной, но главное — интересной. В том, что у программы высокий рейтинг, — немалая заслуга Алексея Пиманова, который последние семь лет является ее ведущим, автором и продюсером. А ведь Пиманов, помимо этого, ведет передачу «Кремль, 9», а также продюсирует еще 11 телепрограмм.

— Алексей, есть мнение, что для того, чтобы заниматься журналистикой, журфак не нужен. Вы же после МИФИ окончили журфак, иными словами, посчитали иначе?

— Да нет. Сначала я учился в МИФИ, потом попал в армию. Вернувшись, хотя и решил пойти на журфак, три года учебы было жалко терять, и я сначала доучился в МИФИ, а потом уже поступил на журфак. Однако я считаю, что это все условности. Журналистика — это общий уровень образования плюс божий дар, и, если у тебя этого дара нет, ничего не поможет. На телевидении можно научиться техническим вещам, но божий дар есть у единиц.

— Тем не менее нужно иметь возможность проявить этот божий дар. Как это получилось с вами?

— Случайно. На телевидении я начал работать еще когда учился на журфаке — сначала видеоинженером, потом видеооператором, а потом начал делать фильмы как автор и режиссер. Не буду долго рассказывать как, но я оказался востребован западными телекомпаниями — они мне стали заказывать фильмы, и я их делал в западной манере, в такой прогрессивной по тем временам стилистике. Тогда очень хорошо жила — за эти фильмы мне платили хорошие деньги, а числился я в «Останкино», в Гостелерадио — очень удобно так устроился. Но как-то один из фрагментов такого фильма я отдал для новой тогда еще программы «Ступени». Этот сюжет оказался такой убийной, что письма шли полгода. Вот тогда меня и потащили на штатную работу в редакцию. А я еще упирался. Мне ведь было хорошо — на свободных хлебах, без летучек, без обязательств. Единственное, что меня тогда привлекало, — это то, что мне предложили стать ведущим программы, то есть из безвест-

ности сразу на экран. И я стал вести программу.

— Был период, когда на телевидение приводили за руку, и было очень много посредственности.

— Мы можем сколько угодно говорить, что старое телевидение было замечательным, и я сам его люблю фрагментами, но я реально смотрю на вещи — уровень профессионализма сейчас на порядок выше. Были, конечно, бардачные 90-е, когда все старое телевидение снесли и думали, что сейчас появится много профессионалов. Когда в 95-м образовалось ОРТ, думали, что стоит только свистнуть и появится много талантов, звезд, а не прибежали — звезд надо выращивать годами. Раньше ведь ни о какой конкуренции между программами речи не шло. Последние 10–12 лет все-таки заставили очень резко пойти вперед. И сейчас телевидение выше по уровню операторской работы, подходов, плотности материалов, режиссуры — все это другого класса, все это скачок вперед, что и говорить. Ни о каком бладе сейчас не может быть и речи. Есть показатели, рейтинги; выдержишь — работай, нет — до свидания.

— «Человек и закон» — программа с тридцатилетней историей, и многие помнят ее еще совсем другой, извините, занудной. Как получилось, что программа так изменилась, а вести программу стали вы?

— Когда я был директором студии в старом «Останкино», эта программа была одной из

Мы можем сколько угодно говорить, что старое телевидение было замечательным, но я реально смотрю на вещи — уровень профессионализма сейчас на порядок выше. Ни о каком бладе сейчас не может быть и речи. Есть показатели, рейтинги: выдержишь — работай, нет — до свидания

тех, на которые я сделал ставку. Она была, конечно, старая, занудливая, в общем, умирала. Я начал с того, что сотрудники программы стали зарабатывать больше всех денег в компании — они их и раньше зарабатывали, просто до этого у них отбирали эти деньги. Когда развалилось «Останкино» и образовалось ОРТ, нам тогда удалось договориться с каналом — они их и раньше зарабатывали, просто до этого у них отбирали эти деньги. Когда развалилось «Останкино» и образовалось ОРТ, нам тогда удалось договориться с каналом — они их и раньше зарабатывали, просто до этого у них отбирали эти деньги. Когда развалилось «Останкино» и образовалось ОРТ, нам тогда удалось договориться с каналом — они их и раньше зарабатывали, просто до этого у них отбирали эти деньги.

— Вы директор большой телекомпании, производящей 13 программ, среди которых «Тайны века», «Армейский магазин», «Вкусные истории», «Здоровье». Как вы стали продюсером?

— По необходимости. Продюсером я стал в 93-м году, когда меня назначили директором студии общественно-политических программ. До этого у меня была своя маленькая телекомпания, и я подвернулся под руку нужным людям как молодой и с идеями. Когда меня сделали директором этой студии, многие не пережили, что этот тридцатилетний щенок стал директором, и в первый год они меня чуть не сожрали, зато мне удалось из студии с минусом сделать студию с большим плюсом.

— Много вообще зависти на телевидении?

— Конечно, здесь же все построено на зависти. Но я же отключенец — почти не реагирую на все, что говорится вокруг. У меня у самого так много всего интересного происходит, что сплетни меня не волнуют. Для меня человек — это прежде всего эфир и рейтинг. Если человек делает что-то хорошее, то в его эмоциональные выплески и интриги я стараюсь не вникать.

— Не слишком ли цинично оценивать человека с точки зрения успешности? Человек же сначала человек, а потом уже профессионал...

— А я считаю, что компанию нужно выстраивать так — несколько человек, которым ты веришь как себе, друзья, а все

общался, потому что получать материалы без содействия ФСБ и МВД сложно. Когда мы вывели передачу на уровень программы влияния, то нам стали доверять. Конечно, чтобы получить эксклюзив, надо очень постараться — просим, звоним, добиваемся, долбим, но очень часто предлагают сами. Мы можем где-то ошибиться. Но мы не дешевые и врать не будем. А нарабатанная репутация дает свои плоды.

— Вы участвуете в творческом процессе подготовки программ?

— Может быть, немного нескромно, но я отношусь к тем продюсерам, которые могут помочь творчески. Мы очень часто все вместе садимся и проводим мозговую атаку. Вот сейчас, например, мы написали замечательный сценарий — будем делать художественный сериал. Там все — кремлевские монахи, пропавшие алмазы, кремлевские дети — чего там только нет. Я этим сейчас горю и знаю, что это кино будет в десятку, выстрелит со страшной силой, я такие вещи уже чувствую. Сейчас написали две серии, прописали сценарные ходы еще пять.

— Нахождение на первой кнопке многое определяет?

— Конечно. Оно дает ощущение, что твои программы выходят на лучший канале страны, что бы там ни говорили, что у тебя огромная аудитория, что на твоё место много желающих и что ты чего-то стоишь, раз делаешь рейтинговые программы. Я вырос на Первом канале, хотя, не скрою, есть предложения от других каналов и работать, и делать программы. Вот мы сейчас планируем новую программу с Гордоном...

— Кстати, о Гордоне. Вы ведь продюсировали программу «Процесс» с Гордоном и Соловьевым, и рейтинг у нее был неплохой, но почему-то она умерла. Почему?

— Потому что Володя Соловьев, с которым мы до сих пор в хороших отношениях — общаемся, в футбол играем — обидел Первый канал грязью в своем эфире на радиостанции «Серебряный дождь».

— Возникли проблемы с каналом?

— Да нет, никаких проблем, просто это мой принцип — нельзя обливать грязью канал, на котором ты работаешь. У Володи есть свое к этому отношение, и это его право, но, к сожалению, проект рухнул именно поэтому.

— А что за новый проект с Гордоном?

— Не хочу раскрывать карты, но могу сказать, что проект будет очень пафосный — это будет послание новому поколению.

— Это будет как-то связано с последним амбула Гордона — научной пытливостью?

— Идея была такая: все, что Саша нарабатывал в своей программе, перевести в практическую плоскость, в некие рекомендации нашей стране, как жить дальше. Все эти умные люди должны будут поработать на документ — прогнозы развития. Мы решили с их помощью просчитать, что будет в России в 2030 году — с помощью всех этих умных людей, что будет с населением, территорией, наукой, экономикой. На экране это будет шоу — динамично и забавно, никакого занудства. Самое главное — сохранить в этом проекте умность — для этого мы хотим собрать не избитых политиков, не балабол, а по-настоящему умных людей, и каждой программой по кирпичику выстраивать прогноз. Вот я все и выболтал! Саша сейчас этим очень горит, да и я тоже, дай бог, чтобы все получилось.

— Вы интересуетесь историей — это понятно. Но откуда у вас интерес к Кремлю — раньше вы делали «За кремлевской стеной», теперь вот пикл программ «Кремль, 9»?

— Российская история всегда делалась в Кремле. Даже когда Гагарин слетал в космос, он явился в Кремль. И решение о том, лететь ли ему в космос, принималось тоже в Кремле. В Советском Союзе все решалось у трона, а это значит, были человеческие страсти сумасшедшего уровня, фантастические интриги, и все это было скрыто от глаз. И пока есть возможность копаться под ковром и рассказывать людям, как были приняты те или иные судьбоносные для них решения, мне это будет интересно. Кроме то-

го, Кремль меня всегда интересовал как старая крепость. В «Кремле, 9» у меня две параллельные линии — исторические персонажи с их историями и интригами и другая — «неизвестный Кремль», серии которой я даже больше люблю снимать. Мне посчастливилось лезть по башням, по подземным переходам, стенам, куда никого не пускают — 99,9% людей никогда не побывают на кремлевских стенах. Нас пустили. Незря говорят, что первую половину жизни человек работает на имя, а вторую половину — имя на тебя. Вот мне исполнилось 40 лет, имя начало работать на меня, это нормально.

— У вас внушительная коллекция «ТЭФИ». Многие телезрители говорят о том, что все это покупается и ничего не значит.

— Это сложно. На самом деле я не отношусь к «ТЭФИ» так, как другие — с точки зрения желания заполучить его. Мы никогда не делали ни шага, ни полшага для того, чтобы получить премию. Я в этом смысле плохой продюсер, неправильный — не лоббирую свои программы. Наверное, в силу того, что я реализовал себя сам. Кроме того, на этой церемонии очень многое меня раздражает, в частности, та фальшь, которая творится за кулисами. Мы же с женой вообще в этом отношении очень сложные люди — никуда не ходим. Просто не хотим на это тратить время.

— Значит, раз вы не лоббируете, а призы все-таки дают — есть в этом что-то справедливое?

— Я просто считаю, что у нас за эти годы были суперпроекты, которые нельзя было не отметить. Не отметить «Тайны века» с их сложными реконст-

рукциями в тот год, когда они появились, было невозможно. Взять, к примеру, «Вкусные истории» — ну кто еще на телевидении делает каждую неделю мультяшку?

— Интересно быть продюсером?

— Не-а. Тяжело и противно. Если ты до этого был начальником нефтеперерабатывающего завода, то интересно — от тебя начинают зависеть телезвезды. У меня же было по-другому — чтобы выжить самому, мне пришлось раскручивать телекомпанию, потому что выжить можно было только всем вместе. Если ты маленький, у тебя не будет денег на развитие, а большая компания похожа на велосипед — если ты перестанешь крутить педали велосипед упадет.

— Ваша жена Валентина ведет программу «Кумиры», а стало быть, ваша подчиненная. Супругам обычно не советуют вместе работать...

— Конечно, Вале тяжелее, чем кому бы то ни было, в моей компании, и это понятно. К

своим родственникам в работе я отношусь очень жестко — или они супер или уходят. Если с другими я дипломатичаю, то со своими я иду напрямую — все же на близких срываю. Потом, конечно, осознаю и прошу прощения.

— Валентина — это еще не все. Ваша дочь ведь тоже работает на телевидении... Это ваше желание?

— И еще сын от первого брака работает здесь же... Они такую дорогу выбрали сами. Они же у нас ранние — Даше — 20 лет, а Денису — 22 уже, и отношения у нас с ними интересные — мы почти друзья. Субординации возрастной или родственной у нас нет — только если с точки зрения профессионализма и жизненного авторитета. Мы с женой сделали все, чтобы они сюда не пришли, и честно попытались отвлечь их другими побочными линиями жизни — институтами, экономикой. Но, наверное, сказывается, среда — они же видят, что мы живем своей работой.

Творческие вечера в Центральном Доме литераторов

23 апреля
Концерт Владимира Кузьмина «О чем-то лучшем...». Эксклюзивный концерт мэтра эстрады. Эпоха 80-х на сцене ЦДЛ... начало в 19.00.

Смотрите в Большом зале ЦДЛ с 15 по 22 апреля:

17 апреля
11.00 Властелин колец: Возвращение короля
21.30 Страсти Христовы
18 апреля
11.00 Властелин колец: Возвращение короля
14.30 Страсти Христовы
17.00 Страсти Христовы
21 апреля
21.00 Страсти Христовы